

Если Израиль превратится в Спарту, я перееду в Ивано-Франковск

«Правительство Израиля, потрясенное случившимся, с глубоким прискорбием извещает о смерти Ицхака Рабина, убитого сегодня вечером», — так 20 лет назад, 4 ноября 1995-го, глава канцелярии израильского премьера Эйтан Хабер сообщил миру о событии, во многом определившем ход новейшей истории Ближнего Востока. Мы сидим во Львове, где проходит международная конференция «Лимуд-Украина», с известным журналистом, автором десятка книг Хабером, и говорим о Рабине, его стране и мире, который так и не наступил...

— Эйтан, вы познакомились с Рабиным в годы армейской службы в конце 1950-х, когда он был еще командующим Северным военным округом. Вам, правому активисту, солдату-срочнику — 20 лет, ему — генералу, расстрелявшему в свое время по приказу Бен-Гуриона «Альталену» (корабль с оружием для правой еврейской военизированной организации ЭЦЕЛ), — под 40. Это была странная дружба?

Ицхак Рабин с Давидом Бен-Гурионом, середина 1960-х

— Да, наверное. Рабин командовал Северным военным округом, и некоторые полагали, что это его потолок. Помню, была большая заварушка с сирийцами, и к нам приехал Бен-Гурион, о чем я написал для «Бемахане» (еженедельный журнал [Армии обороны Израиля](#), — М.Г.). Отличная заметка, по-моему, вышла. Рабин вызвал меня, спрашивает: это все, что сказал Бен-Гурион, слово в

слово? Я отвечаю: разумеется, командир. Нет, — вступает в разговор его жена Леа, — напиши в точности, о чем говорил премьер. Я вернулся в казарму, перечитал — вроде ничего не упущено. Прихожу в дом к Рабину. «А как же слова Бен-Гуриона о том, что Ицхак Рабин достоин войти в пантеон великих Израиля, — спрашивает Леа. — Об этом ты не написал». И я посвятил целую колонку комплиментам премьера.

Думаю, что Рабин уже тогда мечтал о политической карьере, и ему ее пророчили. Что касается дружбы — просто я стал первым журналистом, написавшим о нем, и ему это понравилось. Он прочел о себе в газете и поверил в то, что написано.

— *Каким вообще был Рабин до прихода в большую политику?*

— У него был принцип, которому он оставался верен до дня убийства. Невероятная прямота. Без тени смущения он выкладывал все, что думает, по какому бы то ни было поводу. Уже в годы премьерства Рабина один чиновник мечтал стать послом. Через меня он осаждал премьера, не считавшего его лучшей кандидатурой, а я тянул время, не решаясь прямо тому об этом сказать... Однажды, не выдержав, я надавил на Рабина, и тот махнул рукой — приводи завтра своего протеже. Тот пришел, премьер спрашивает: что, очень хочешь быть послом? И — в этом смысле Рабин был плохим политиком — сразу выпаливает: прилавок на Махане Йехуда (рынок в Иерусалиме, — М.Г.) я бы тебе не доверил!

В этом весь Рабин — мне постоянно приходилось тушить вспыхивавшие тут и там пожары. Когда он заявил, что жители Голанских высот могут крутиться как пропеллеры, после того, как правительство подпишет мирный договор с Сирией, я пытался убедить всех, что это единичный случай и сказанное относится лишь к главе Совета поселений Голан Йехуде Вольману. Рабин вызвал меня, мол, слышал твои оправдания — прекращай.

— *Вы были медиа-советником министра обороны Рабина в годы первой интифады, в конце 1980-х. «Ломайте им (палестинцам) кости, мы оставим им шрамы на всю жизнь», — это ведь его слова?*

— Он не призывал ломать кости, но дал всем понять, что это то, чего он хочет. И солдаты, да и общество в целом, его услышали. Это был для меня один из самых сложных периодов в жизни. Для этой проблемы никогда не было полноценного решения. И это по сей день так — что делать, когда в беснующейся толпе появляется маленький ребенок?

— В чем же тогда — до Осло — Рабин видел выход из палестино-израильского конфликта?

— Он и раньше говорил, что предоставит палестинцам автономию. В конце жизни он называл себя солдатом мира. Но солдатом, причем наиболее воинственным во всей армии.

— Автономия — это одно, а переговорный процесс с ООП — организацией, любые связи с которой карались, согласно израильскому законодательству, до начала 1990-х годов тюремным заключением, — совсем другое. Рабин действительно считал Арафата партнером?

— За неимением другого. Он его, конечно, не любил и не очень доверял, но... Когда Рабин ушел с поста министра обороны в 1990-м, у него было время подумать — и он пришел к выводу, что у проблемы нет конвенционального решения — кто-то должен уступить. Он просчитывал варианты мирного урегулирования, еще не будучи главой правительства. Но победив на выборах, он представил свою программу, и соглашения Осло были поддержаны в Кнессете большинством не в один, как до сих пор утверждают правые, а в одиннадцать голосов. Согласно опросам, 85% израильтян в целом и целом разделяли эти идеи.

— Какова была конечная цель Рабина, как он ее формулировал? Создание палестинского государства, постоянное урегулирование, региональное сотрудничество? Чем в идеале должен был завершиться процесс Осло?

— На самом деле текст соглашений практически никто не читал даже в Израиле — там ни слова не сказано о палестинском государстве. Рабин с шестнадцати лет воевал с арабами. Он намеревался отдать палестинцам неизмеримо меньше территорий, чем ему приписывают. Безопасность была

его пунктиком. Премьера не очень интересовало, какие территории даровал евреям Всевышний и какие части Земли Израиля заповеданы нам в Торе, ему было важно, можем мы защитить тот или иной район или нет. Собственно, он этого не скрывал и во многом был избран главой правительства благодаря своей программе. Вокруг Осло много мифов, например, о том, что Израиль дал боевикам ООП оружие — в этом уверены даже большинство израильтян. На самом деле ни одного патрона они от нас не получили. А кто помнит о том, что именно в этот период ВВП рос со скоростью 7% в год и Израиль установил дипломатические отношения с 33-мя странами?

Билл Клинтон и Эйтан Хабер поправляют галстук премьер-министру Израиля
(National Photo Collection Israel State Archive, фото Ави Охайон)

— В период Осло вы возглавляли канцелярию премьер-министра Рабина, были автором многих его речей. Именно в это время — на фоне идущих переговоров — Израиль накрыла невиданная до тех пор волна палестинского террора. Когда премьер со свитой приезжали на место терактов, их встречали криками возмущения. Не подточило ли это уверенность Рабина в правильности избранного пути? История не знает сослагательного наклонения, но не будь Рабин убит, какие шаги он намеревался предпринять, видя, что что-то пошло не так?

— Это сложный вопрос, но история действительно не знает сослагательного наклонения — у вас свое «если бы», у меня свое, а у Рабина свое. Что касается террора, то это было ужасно, и Рабин очень остро на это реагировал — как и в 1948-м, когда в ходе Войны за независимость его бригада потеряла 400 человек убитыми.

Он всегда прибывал на место теракта спустя буквально 5-10 минут и оказывался среди разорванных на части тел, дымящихся автобусов, луж крови и... в эпицентре демонстраций. Ни один глава правительства Израиля — ни до Рабина, ни после него — не вел себя подобным образом. Арик Шарон однажды попробовал, получил свою порцию позора и с тех пор не повторял таких попыток.

Разумеется, Рабина каждый раз фотографировали на фоне этого кошмара. Помню, после теракта на перекрестке Бейт-Лид в январе 1995-го (21 убитый, более 30 раненых) я принялся его отговаривать — не езжай, политик не должен ассоциироваться с негативом. Лидеры любят фотографироваться с королевами красоты и букетами цветов, и это не случайно. Он легонько оттолкнул меня и сел в вертолет — и в этом весь Рабин, бравший всю ответственность на себя. Фотографировали меня с букетом — снимайте и сейчас, на фоне сожженных автобусов...

— Сейчас, спустя 20 лет, вы по-прежнему считаете, что премьера убила разнузданная кампания подстрекательства со стороны правого лагеря? Как он сам воспринимал все эти фотоколлажи в эсесовской форме или куфие на многотысячных митингах? Его это больно ранило?

— Если и ранило, то он этого не показывал. В ходе расследования убийства премьер-министра я давал показания, и глава комиссии — судья Шамгар — как-то сказал, мол, будешь продолжать в том же духе, сам окажешься на скамье подсудимых. Дело в том, что Рабин научил нас пренебрегать всеми потенциальными угрозами, хотя в канцелярию поступали и недвусмысленные письма, и посылки сдохлыми котами и собаками, и многое другое. У него был характерный пренебрежительный жест — отмахка, который знали все израильтяне и хорошо усвоило его окружение. Я помню грандиозную демонстрацию у отеля «Хилтон» в Иерусалиме, когда мы с главой службы безопасности хотели незаметно вывести Рабина через кухню, но он отказался

— только через главный вход. И он не нырнул в машину, а смерил взглядом толпу, дав демонстрантам еще минуту повозмущаться. Надо учитывать, что и служба безопасности была тогда куда скромнее, чем у нынешнего премьера — нас сопровождали не более двух-четырех ребят в зависимости от обстоятельств.

— Израиль — страна, где личностная дистанция очень мала — все друг друга знают, обращаются друг к другу по имени, а субординация вообще превращается в условность. Не кажется ли вам на этом фоне странным и искусственным явление, которое принято называть культом Рабина? 28 школ, 26 проспектов, улиц, дорог и мостов; 27 микрорайонов, 19 общественных парков и садов, 3 общественных центра, 2 синагоги, военная база, электростанция, торговый комплекс и многое другое названо в честь покойного премьера. Не приносит ли это его репутации больше вреда, чем пользы? Как и официозные церемонии памяти, на которых из года в год повторяются одни и те же заезженные фразы.

— Я последний, кто может судить об этом, поскольку стоял у истоков всего того, о чем вы говорите. Согласно исследованию профессора Маоза Азарияху, Рабин занимает 10-е место среди еврейских и израильских политических деятелей по количеству упоминаний — после Жаботинского, Бегина и многих других. Я хотел бы, чтобы этих упоминаний было больше, ведь подрастает поколение, совсем не знавшее его. Что останется от Ахад ха-Ама (еврейский писатель и философ, — М.Г.) и Хаима Нахмана Бялика (классик поэзии на иврите, — М.Г.) через 50 лет, кроме названий улиц? Этими соображениями я руководствовался после убийства Рабина. Как по мне, так пусть ни одна улица не будет названа его именем, только бы он оставался премьером. Но если это невозможно, то надо хотя бы увековечить память о нем, тем более, что речь идет о единственном главе правительства Израиля, павшем жертвой политического убийства.

— Наследие Рабина. Мы часто слышим о нем, но плохо представляем, что это такое. Что лично для вас стоит за этими словами?

— Я понимаю наследие как сумму жизни человека, и в этом смысле оно есть как у государственных деятелей, так и у сантехников. Что же касается наследия Рабина... Вот был премьер, различавший между тем, чего народ

хочет, и что ему нужно. Политик, говоривший об иранской ядерной бомбе за 25 лет до того, как о ней заговорили все. Он предвидел это. Он предвидел, что арабы Израиля будут учиться во всех университетах страны на всех факультетах. Был человек, радикально изменивший свою точку зрения, почувствовав, что ему выпал шанс установить мир в регионе. Хотя, будем откровенны, это еще Танах нам завещал, не Рабин.

— Двадцать лет прошло со дня смерти премьера, который был убит, как бы ни пафосно это звучало, за стремление к миру. А мира все нет... На ваш взгляд, какие ошибки совершил Израиль и палестинцы за эти двадцать лет, почему процесс Осло не принес долгожданного урегулирования палестинской проблемы, и ситуация в сфере безопасности сегодня не лучше, чем до начала переговоров с ООП в 1992-м.

— Мне очень легко ответить на этот вопрос, поскольку я был единственным в министерстве главы правительства, выступавшим против соглашений Осло. Остальные повторяли, что нельзя перепрыгнуть пропасть в два прыжка, и это надо делать одномоментно — подписываем договор, закатываем банкет по поводу подписания, конфликт исчерпан. Я же считал, что это процесс, занимающий десятилетия и требующий изменений сознания палестинцев. Им совсем не помешал бы свой «Лимуд» (то есть, масштабный образовательно-просветительский проект, — М.Г.). В отличие от законов природы эта пропасть преодолевается не в один и даже не в два, а в восемь прыжков, и очевидно, что мы грохнулись оземь. Логичнее выглядели те, кто настаивал на одном большом прыжке, но на Ближнем Востоке своя логика...

Шок после убийства, Тель-Авив, 4 ноября 1995 (фото: Зив Корен)

— Как вы оцениваете действия нынешнего — правого — правительства в контексте решения палестинской проблемы. Есть ли вообще у нее решение или лучшее, что можно сделать сейчас, — это максимально долго сохранять статус-кво, при котором Израиль сохраняет контроль над большей частью Иудеи и Самарии?

— И снова мне просто говорить об этом — я ведь воспитанник «Бейтара» (правая молодежная сионистская организация, — М.Г.), а мой отец был одним из лидеров «Ликуда» (ведущая правая партия Израиля, — М.Г.). Я убежден, что подход правого лагеря несовместим с достижением мира. Левые понимают, что мы — как сильная сторона — должны уступить. Правые говорят, что мы и так многое уступили, и я благодарен им за то, что они отказались от гор Моава, Гилада и Эдома — частей библейской Земли Израиля. Разница между левым и правым премьер-министром Израиля — в осознании реалий. Ты понимаешь, где ты живешь, кто твои соседи — и, казалось бы, единственная возможность выжить — это стать Спартой. Попытки изображать из себя Афины обходятся весьма дорого, и речь не только о финансовой стороне вопроса... Тем не менее Спарта исчезла, а Афины продолжают существовать. Если Израиль превратится в Спарту, я

перееду в Станиславов (современный Ивано-Франковск), откуда родом мой отец.

Беседовал Михаил Гольд, «Зеркало недели»